

Павел Шаров

«И огромное чувство вины...»

Павел Шаров – член Союза писателей России, выпускник Литературного института им. А.М. Горького, автор поэтических сборников «Рукопись», «В четверг после дождя», «Роза за шкафом», «С вершины холма». Публикации в литературных журналах «Звезда», «Сибирские огни», «День и ночь», «Северная Аврора», «Дети Ра», «Волга», «Волга – XXI век», «Футурум АРТ», в альманахах «Эдита» (Германия), «Саратов литературный» и др. Публикация в журнале «Плавучий мост»: № 3(11)-2016. Живет в Саратове.

* * *

Что я знаю о жизни? Немного –
что у дома четыре стены,
отведён красный угол для Бога.
И огромное чувство вины –

это то, что я твёрдо усвоил.
Что я знаю? Что жизнь – не игра.
Джек построил, а я не построил
дом, в котором четыре угла.

Но душа – пятый угол. Заснежен
город-призрак. Незримый Христос
отправляется в люди – безгрешен,
беззащитен и наг он, и бос.

Только в каждом живёт Инквизитор –
пусть Любовь всё испулит сполна,
мы готовы к формальным визитам,
но к Пришествию – нет! Чья вина,

что Любви, о которой Апостол
говорил, мы не вынесем – в нас
нет такого начала, мы просто
разделились: вот эти за нас,

а вот эти – враги. Как завьюжен
город-призрак. Ты слышишь, Господь?

Уходи! Ты нам больше не нужен.
В кровь Твою претворится и плоть

хлеб с вином – мы поклонимся Чаше.
Это Таинство – просто обряд.
Потому что есть «наши» и «ваши».
И не души – лишь свечи горят

пред иконою, где Богоматерь
Семистрельная, глядя на нас,
тихо плачет и слышит: «Имать их!
бо раскольники...» Слышится Глас,

Глас Шестый... Что я знаю? Что смертен.
Что я тлею, дымлю без огня.
Что грехами насажен на вертел.
Всё страшнее мне день ото дня –

я напрасно ищу пятый угол
в не построенном доме. В живых
как остаться? Как жить среди кукол,
среди этих фигур восковых?

* * *

Дымно-сизое небо, и птицы – о, сколько
их! Пылает закат. Это ты, моя Ольга,
за меня отомстила – и до облаков
пламя гнева и страсти во веки веков!

Что древляне? Охвачен весь запад пожаром.
Лучшим сном наяву и безумным кошмаром,
что ни вечер – кровавая баня зари.
До скончания века гори!

* * *

Этот мир – он не весел и не сердит,
ибо мёртв и уже смердит.

Ты же видишь, Господи, он провонял –
торгашей до чёрта в нём и менял.

В фарисействе всё тонет, и я один.
Этот мир – он как Лазарь, о Господи.

Поля не перейти – белена и сныть.
Ну а жизнь, подавно, нельзя прожить.

Для души давно всё мертво вокруг.
Вот она вступает в девятый круг.

«Встань; одежду возьми свою и ходи» –
сердце мира бьётся в твоей груди.

* * *

Крыша, крытая шифером, с чуть живую печной трубой.
Кряжистый вяз и subtilный тополь.
Шаг, ещё шаг (и опять перебой
в ритме сердца) – иди потихоньку, топай

из улицы в улицу, где
ты никому неизвестен. Где ты
можешь мечтать о родной звезде,
затем, что посланцем с другой планеты

ты оказался, но поздно узнал – и тебе
аборигеном быть трудно, не то что Богом.
Не добрался из пункта А ты до пункта Б,
потому что инакость твоя вышла боком.

Хоть всю жизнь проплутай, что увидишь ты? Ба!
Кряжистый вяз, тополёк-подросток.
Крыша, крытая шифером – покосилась труба.
Это – крест. Это твой перекрёсток.

* * *

Мать, ты носила под сердцем
сына, но снова в Освенцим

поезд уходит – мы в ад
въехали. Дым сладковат.

Драконоборец Егорий,
видишь – дымит крематорий
иль краматорск, лугадон.
Видишь, крылатый дракон

огнь изрыгает из пасти.
Это военные части
в адском смешались котле.
Шествует Вий по земле.

Он разлепил, поднял веки –
вымерли пашни и реки,
смерч или град-ураган –
общий могильный курган.

Это горят наши трупы,
это трубят в небе трубы,
град, ураган или смерч, *
вихрем проносится Смерть –

из Откровения всадник.
Хлопец ли, псковский десантник,
смерч, ураган или град, –
мама, мы въехали в ад.

* «град», «ураган», «смерч» – системы залпового
огня (прим. автора).

* * *

В бесснежном декабре, душа моя, замри
и вспомни о былом – как с ночи до зари
мы пили горький чай и рифмы друг за другом
слетали с языка. Теперь же, как за плугом
идёшь по целине: поднять словесный пласт,
найти хоть пару строк, а после – как Бог даст.
В бесснежном декабре по горло немотою
ты полон, сокол мой. Проходят чередою

за днями дни – ты ждѣшь, когда проснѣтся речь.
Царевна спит в гробу, а ты её стеречь
приставлен – может быть, до ангельской побудки,
а может, до весны. Представь, что через сутки
она очнѣтся вдруг – никто её в уста
не будет целовать, и с белого листа
начнѣтся жизнь твоя... Немотствует природа
в бесснежном декабре. Труднее год от года
даѣтся мне зима: воды набравши в рот,
я терпеливо жду, когда Солнцеворот
наступит наконец и свет по чайной ложке,
но будет пребывать, а с ним исчезнут кошки,
что на душе скребут, и я шагну за грань –
из тьмы на свет, для слов освободив гортань.

* * *

Отцу Михаилу Воробьеву

О душе, танцующей в темноте
неизвестно с кем неизвестно где,
кто-то должен замолвить слово.
А иначе из тьмы былого

ни за что не вырваться ей на свет.
И она рассеется, точно след,
оставляемый самолѣтом.
Так стучите. А спросят: «Кто там?» –

отвечайте попросту, невпопад –
мол, мороз на улице, снегопад,
мол, впустите по вашу душу.
Если рыбы, и те на сушу

умудрились vybrаться – значит, есть
шанс у всех. И, значит, Благая Вѣсть –
это то, чем пронизан воздух.
А душе – тосковать о звѣздах.

Михаил Архангел и гарнизон
держат солнца факел, и горизонт

озаряется светом снова.
Воцаряется Царь – Бог-Слово.

* * *

О марте. О том, что, мол, двое порток...
О том, что ручей превратился в поток –
бурлит, – так и жизнь наши судьбы
уносит, и ты не успеешь моргнуть –
уже проморгал: в чём была её суть?
И если мы жертвы, кто судьи?

Наверно, не зимы, не вёсны, а те,
кто нами был предан, забыт в суете, –
мы прожили врозь в этом мире,
теперь разминёмся, боюсь, и в ином.
...Ах, ветер! Куда ты летишь табуном?
Ты, загнанный, в пене и в мыле,

рванёшься – и рухнешь на полном скаку.
Вот так оборвать на полслове строку:
длиннее стал день – жизнь короче.
О марте. О том, что всё лжёт календарь.
О том, что ты грешник и молишь: «О дай
мне видеть грехи свои, Отче».